

Отец, я вернулась.

Едва переступив порог, закричал Цзи Ань. Заметив, что никто его не встречает, а вокруг царит тишина, он сильно удивился и пробормотал себе под нос: Куда это все запропалились?

Он как раз подошел к кабинету, где обычно любил засиживаться отец, но обнаружил, что дверь крепко заперта. Не успел он подумать о том, чтобы войти и заглянуть внутрь, как до его слуха донесся звонкий звук разбившейся фарфоровой чаши, сопровождаемый ожесточенной ссорой.

Что ты всё это время вытворял исподтишка, чем занимаешься? Говорю тебе, даже не думай ступать на кривую дорожку!

Раз уж старший брат настолько мне не доверяет, зачем тогда продвигал меня? Уж лучше бы просто убил, и дело с концом! С одной стороны, остерегаешься меня, а с другой — возвышаешь перед всеми людьми, всю незапятнанную добродетель приписал себе!

Цзи Ань впервые в жизни слышал, чтобы отец так сильно гневался, его голос был полон ярости: Не пытайся раззадорить меня подобными речами, не будь столь жадным! Разве ты и так получил мало? Но только посмей сунуться в Сяньду!

Хм!

Другой мужчина презрительно промолчал и, с размаху толкнув дверь ногой, собрался уходить, но прямо у входа столкнулся с подслушивающим Цзи Анем.

Цзи Ань потер нос и с натянутой усмешкой произнес: Младший сородич.

О, да это же наш юный господин Цзи, — Цзи Ань бросил на него косой взгляд и насмешливо улыбнулся. — Чего это ты заявился так рано? Я-то думал, наш молодой господин пропадает в игорном доме и сегодня тоже не вернется.

С этими словами он со злостью толкнул Цзи Аня плечом, заставив того отступить на несколько шагов назад, и, взмахнув рукавом, удалился.

Цзи Ань поджал губы и крикнул вглубь кабинета Цзи Бочэну: Вы из-за чего ругаетесь? С чего это младший сородич сегодня такой разъяренный?

Цзи Бочэн как раз находился на пике гнева, а увидев этого никчемного и неблагодарного сына, вспыхнул с новой силой: Ты еще имеешь наглость возвращаться! Проиграл в игорном доме восемьсот тысяч, да у тебя после этого лицо не треснуло заявляться домой!

Чего ты! — Цзи Ань чувствовал себя виноватым, но голос повысил громко. — Сам поссорился с

младшим сородичем, а злость на мне срываешь!

Ты еще смеешь огрызаться! — Цзи Бочэн по-настоящему разъярился и прямо ударил ладонью по столу, отчего вокруг тут же клубами поплыла черная дымка, которая мгновенно превратилась в дюжину суровых, полностью экипированных стражей.

Цзи Бочэн указал на сына, на его лбу запульсировала вена: Живо скрутите этого негодника по рукам и ногам, да покрепче! Сегодня же отправьте обратно в Цзюньмин и запирайте в Зале Наказаний на целый месяц — пусть как следует подумает о своем поведении!

Увидев, что отец шутить не намерен, Цзи Ань запаниковал и, потеряв всякий стыд, принялся громко браниться: Цзи Бочэн! Ты же великий Владыка Царства Духов, а ссоришься с другими, да срываешь зло на собственном сыне! Какое ребячество!

Летающие навстречу тяжелые цепи источали зловещий леденящий холодок и в мгновение ока омотали его по рукам и ногам. Свирепые солдаты-призраки из свиты Цзи Бочэна не обладали собственным сознанием и подчинялись приказам хозяина словно марионетки.

Поняв, что его действительно собираются отправить домой, Цзи Ань поспешно взмолился о пощаде: Отец, папочка, умоляю, я больше так не буду, помилуй сына, только не отправляй домой! Я ведь с таким трудом тайком сбежал, я же просто хочу побыть рядом с батюшкой.

Пусть он и рос лодырем и бездельником, но искусство выпрашивать милость освоил в совершенстве. Цзи Бочэн на мгновение замер, услышав его слова, закрыл глаза и все же отрывисто махнул рукой: Сопроводите юного господина обратно в Цзюньмин и глаз с него не спускайте!

Этот старый упрямец оказался глух и к мягким уговорам, и к угрозам. Цзи Ань, приехавший в Сяньду поразвлечься всего на пару дней, тоже взбеленился: Цзи Бочэн, ну погоди у меня! Так и сиди в Сяньду, можешь вообще не возвращаться! Сдался ты мне, больно нужен!

Всю эту шумную перепалку закончили тем, что его все-таки выслали прочь. Цзи Бочэн тупо смотрел на пустой вход и лишь спустя долгое время тяжело вздохнул.

Старший брат Цюй ушел в затворничество?

На дворе стоял полдень, на залитых ярким светом улицах почти не было людей. Поскольку большинство торговцев в Сяньду составляли призраки, жизнь здесь кипела по ночам, а днем царило запустение.

Закончив дневное лечение, они вдвоем навели порядок среди лекарственных трав в аптеке и теперь возвращались по переулкам к себе.

Ага, — Му Пин полуприкрыл глаза, откинувшись на спинку кресла-каталки. — До чего же ты бестолковый, его же заперли в собственной комнате уже несколько дней назад.

Я целыми днями помогал тебе с лечением, а после него он сразу уходил тренироваться с мечом, мы ведь даже не пересекались, с чего бы мне удивляться? — Шэнь Мубай катила кресло и с вздохом заметила: — Он еще даже не вошел во Внутренний Двор, а уже близок к Стадии Золотого Ядра. Вот у старшего брата Цюя и правда невероятный талант.

Род Цюй из Небесной Реки сам по себе пользуется большой известностью в Море бессмертных, если бы не те события многолетней давности, он бы никогда не оказался в нашей Секте Саньцин.

Какие еще события?

Поняв, что сболтнул лишнего, Му Пин неестественно сменил тему: Прибыли, давай залезай в купель.

Тц, — Шэнь Мубай, видя, что тот не намерен продолжать, без всякого энтузиазма спрыгнула в ледяной бассейн.

Многочисленные сеансы лечения приучили её к здешнему холоду и затихающей боли. Шэнь Мубай сняла налобную повязку из небесного шелкопряда и аккуратно сложила её на краю.

Заметив, с какой осторожностью та обращается с вещью, Му Пин не удержался от вопроса: Тебе так нравится эта повязка?

Красивая, когда надеваешь, прямо веет бессмертием, — Шэнь Мубай поддалась вперед и, опершись о бортик бассейна, широко распахнула сияющие глаза, глядя на него.

Даже если нравится, не отдам, — легкомысленно бросил Му Пин. — Сколько тягот мне пришлось пережить в те годы, чтобы отыскать пару шелкопрядов и соткнуть её. Я тебе не твой наставник, баловать не стану.

Шэнь Мубай подперла подбородок рукой и проворчала: Жадина, я ведь только что подарила тебе целую аптеку.

Ладно-ладно, этот жадина сейчас будет ставить иголки.

Тишина. Пугающая, безмолвная темнота.

Шэнь Мубай открыла глаза и, помрачнев лицом, с досадой нырнула в воду, пуская пузыри.

Увидев такую реакцию, Му Пин сразу догадался, что она вновь ничего не увидела, и поспешил успокоить: Не сердись, это вполне нормально. Вообще-то видеть галлюцинации во время лечения — изначально плохой знак.

В бассейне не было ни малейшего движения, лишь непрерывно поднимались пузырьки воздуха.

Му Пин мягко уговаривал: Твою духовную душу я уже почти полностью восстановил, не хочешь ли обратиться к старшему брату Тану и попробовать культивировать вместе с ним?

Стоило ей услышать это, как Шэнь Мубай мгновенно вынырнула из воды и, уперевшись руками в бортик, выпрыгнула наружу: Я могу заняться культивацией?

Ступай попробуй, — Му Пин протирал серебряные иглы. — Поглотив духовную энергию неба и земли, практикующие приступают к Усилению Ци. Ци циркулирует в духовной душе, а поскольку твоя душа повреждена, процесс поглощения неизбежно пойдет тяжелее, чем у обычных адептов. Ступай попытайся, проверишь, удастся ли тебе ступить на путь меча.

<http://bllate.org/book/21968/2282369>